

ПОЛ КОЛЛИЕР КАК МИГРАЦИЯ ИЗМЕНЯЕТ НАШ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Пол Коллиер

Исход. Как миграция изменяет наш мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40624575

Исход: как миграция изменяет наш мир:

ISBN 978-5-93255-452-4

Аннотация

Это один из самых насущных и спорных вопросов нашего времени, вызывающий жаркие споры и глубоко пропитанный идеологией. Кому должно быть позволено иммигрировать, а кому – нет? Каковы доводы за и против ограничения числа иммигрантов? В «Исходе» выдающийся экономист Пол Коллиер ясно и сжато описывает последствия стимулирования или сдерживания миграции. Опираясь на оригинальное исследование и многочисленные обзоры конкретных случаев, он рассматривает эту проблему с трех точек зрения: самих мигрантов, людей, которых они оставили, и обществ, в которые они иммигрируют.

Как показывает Коллиер, иммигранты из беднейших стран мира обычно оказываются самыми образованными и амбициозными. И хотя эти люди нередко добиваются экономического успеха, покидая свои родные страны, они также лишают эти страны профессионалов, в которых они остро нуждаются. В отсутствие контроля иммиграция может только

ускориться: беднейшие страны столкнутся с настоящим массовым исходом. Иммиграция – это простое экономическое уравнение, но она имеет сложные последствия. «Исход» показывает, насколько важными будут иммиграция и ее последствия для государственной политики в ближайшие годы и десятилетия.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Пролог	8
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	41
Четыре столпа процветания	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пол Коллиер

Исход: как миграция изменяет наш мир

*Посвящается Полин, моей безродной
космополитке*

Copyright © 2013, Paul Collier

All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2016

*** * ***

Предисловие к русскому изданию

За три года, прошедшие с написания «Исхода», исход и в самом деле случился. Приток людей, пытающихся попасть в Европу, привлек внимание общественности к теме миграции, а европейская политика показала свою путаность и неадекватность. В моем анализе того, какими могут быть ошибки миграционной политики, я размышлял о губительной фазе, которую я назвал «политикой паники». К сожалению, мы сейчас переживаем именно эту фазу.

Исход практически случайно был вызван односторонним решением канцлера Меркель разрешить сирийским беженцам, сумевшим добраться до Германии, остаться в ней. До этого согласованная европейская политика заключалась в том, что за нелегальных иммигрантов отвечала страна, в которую они сначала попали, – как правило, Греция или Италия. В ответ на это решение многие сирийские беженцы покинули прилегающие страны, в которых они нашли убежище, и стали платить контрабандистам за то, чтобы те помогли им пересечь Средиземное море и добраться до Европы. Тысячи людей утонули, но еще больше смогли добраться до берегов Европы и начать непростой путь к немецкой границе. Воспользовавшись возможностью вновь открытых границ, многие молодые люди из бедных стран присоединились к походу на Германию.

Совпав с этим притоком мигрантов в Европу, террористические акты в Париже, совершённые мигрантами в первом и втором поколении, продемонстрировали реальность культурных различий. Россия уже столкнулась с этой реальностью. Не все такие различия следует уважать, а к некоторым нельзя быть терпимыми. Европе предстоит проделать большую работу по культурной интеграции мигрантов, которая только осложняется беспрецедентным масштабом миграции.

«Исход» может послужить основой для понимания этих проблем и выработки действенных политических ответов. В этой книге объясняется, почему происходит ускорение миграции и почему открытие европейских границ неизбежно должно было вызвать исход, который и произошёл. В ней показывается взаимодействие между темпом иммиграции и интеграцией иммигрантов в общество.

«Исход» сейчас переводят чуть ли не на все европейские языки. Я надеюсь, что этот перевод на русский язык поможет российскому обществу прийти к чему-то лучшему, чем «политика паники».

Пол Коллиер

Оксфорд, декабрь 2015 года

Пролог

ОН СМОТРИТ на меня сейчас, когда я пишу эти строки. Его звали Карл Хелленшмидт, и к моменту, когда был сделан снимок, он уже не был безденежным юным иммигрантом: у него имелись костюм, жена-англичанка и шесть маленьких детей. Он уверенно смотрит в объектив, не зная, что его семья вот-вот падет жертвой антииммигрантского расизма Первой мировой войны. Британии предстоит защищать цивилизацию от варваров-гуннов, а он – один из них. Цивилизация, приняв обличье нищebroда Джона Буля, включит Карла Хелленшмидта в свой сфабрикованный список вражеских агентов. Под покровом ночи цивилизованное стадо нападет на его лавку. Представитель цивилизации попытается задушить его жену. Сам он будет интернирован как враждебный иностранец; его жену добьет неизлечимая депрессия. Двенадцатилетний Карл Хелленшмидт-младший будет вынужден бросить школу, чтобы управлять лавкой. А затем, чуть больше двадцати лет спустя, новая война: Карл Хелленшмидт-младший переедет и сменит имя. Он станет Чарльзом Коллиером.

Многие из нас – потомки иммигрантов. Природный патриотизм сплошь и рядом оборачивается звериной жестокостью, погубившей мою семью. Однако такая реакция на иммиграцию не была повсеместной. В нынешнем году я слу-

чайно познакомился с человеком, чей отец принимал участие в том антигерманском погроме. Память о несправедливости, от которой пострадали ни в чем не повинные иммигранты, передавалась в его семье из поколения в поколение так же, как и в моей.

Мой дед переселился из нищей немецкой деревни Эрнсбах в самый процветающий на тот момент европейский город – Брэдфорд. Этот переезд – не только из одной страны в другую, но и из села в город – типичен для современной миграции из бедных стран в богатые. Однако юношеский дух авантюризма покинул деда, едва тот прибыл в Брэдфорд: он тут же направился в квартал, уже настолько переполненный немецкими иммигрантами, что его прозвали Маленькой Германией. Такое же отсутствие избыточного авантюризма характерно и для современных мигрантов. Сто лет спустя Брэдфорд перестал быть самым процветающим городом Европы: по воле судьбы сейчас в нем намного меньше процветания, чем в Эрнсбахе. Но он остается городом, куда прибывают иммигранты и где сохраняются трения. Единственный депутат британского парламента от партии «Уважение» – по сути, партии исламских экстремистов – был выбран иммигрантами в Брэдфорде. Сегодня среди иммигрантов действительно встречаются вражеские агенты: четверо из них, взорвав на себе бомбы, убили в Лондоне 57 человек. Иммигранты не только страдают от звериной жестокости, но и сами бывают на нее способны.

Настоящая книга в какой-то мере продолжает мои исследования беднейших обществ – «нижнего миллиарда». Стремление людей к тому, чтобы перебраться из этих стран на богатый Запад, включает в себе как профессиональный, так и личный аспект. Ответить на вопрос, идет ли исход иммигрантов на пользу или во вред тем, кто остается на родине, – задача сложная, но важная. Пусть речь идет о беднейших обществах в мире, однако иммиграционная политика западных стран оказывает на них не только неумышленное, но и мало кем осознаваемое воздействие. Мы как минимум должны представлять себе, как именно на этих обществах отражаются наши бездумные поступки. Кроме того, я вижу, как мои друзья разрываются перед своим долгом остаться дома и долгом использовать выпавшие им возможности.

Однако в то же время в моей книге критикуется преобладающее среди либеральных мыслителей – к которым принадлежу и я сам – мнение о том, что современные западные общества должны стремиться к постнациональному будущему. С учетом моих семейных обстоятельств следовало бы ожидать, что и я стану энтузиастом этой современной ортодоксии. При переходе границы мы предъявляем три разных паспорта: я – англичанин, Полин – голландка, выросшая в Италии, а Дэниэл, родившийся в США, с гордостью достает свой американский паспорт. Мои племянники – египтяне, их мать – ирландка. Эту книгу, как и предыдущие, я писал во Франции. Если в мире и существуют постнациональные семьи, то

моя, несомненно, является одной из них.

Но что, если все будут такими? Допустим, международная миграция станет настолько обыденным явлением, что уничтожит смысл национальной идентичности, и общества действительно станут постнациональными. Насколько это важно? Думаю, что это очень важно. Образ жизни таких семей, как моя, опирается (и в потенциале паразитирует) на тех, кто сохраняет свои корни и тем самым поддерживает существование жизнеспособных обществ, из числа которых мы можем выбирать. В тех странах, которым посвящены мои исследования – мультикультурных африканских обществах, – со всей очевидностью проявляются неблагоприятные последствия слабо выраженной национальной идентичности. Такие отдельные великие вожди, как Джулиус Ньерере, первый президент Танзании, стремились к тому, чтобы их народы приобрели единую идентичность. Но разве национальная идентичность не вредна? Не приведет ли она нас снова к «антигуннским» погромам? Или того хуже: канцлер Ангела Меркель, выдающийся европейский лидер, высказывала опасения по поводу того, что возрождение национализма угрожает не только погромами, но и войной. Я осознаю, что защита ценности национальной идентичности должна сопровождаться убедительным опровержением этих страхов.

В еще большей степени, чем при работе над предыдущими книгами, опорой для меня служила международная ар-

мий исследователей. Некоторые из них – мои коллеги и партнеры в научных занятиях; других я даже никогда не встречал, но смог почерпнуть много ценного из их публикаций. Современная научная деятельность осуществляется усилиями многочисленных специалистов. Даже в рамках такой узкой сферы, как экономика миграции, исследования носят крайне специализированный характер. Для настоящей книги мне требовались ответы на три группы вопросов: Чем определяются решения мигрантов? Как миграция влияет на тех, кто остается на родине? Как она влияет на коренное население в странах, принимающих мигрантов? Существуют специалисты по каждому из этих вопросов. Однако чем дальше, тем отчетливее я понимал, что миграция – в первую очередь явление не экономическое, а социальное, и потому для специалистов-исследователей она превращается в ящик Пандоры. Преодоление разногласий между ними стало вопросом этики: какими нравственными критериями следует оценивать различные последствия миграции? В распоряжении экономистов имеется удобный этический приборчик под названием «утилитаризм». Он очень полезен при решении типичных задач, а потому стал стандартом. Однако применительно к такой проблеме, как этика миграции, он оказывается прискорбно неадекватным.

Вышедшая из-под моего пера книга представляет собой попытку обобщить результаты многочисленных специализированных исследований в сфере общественных наук и мо-

ральной философии. В рамках экономики я в первую очередь руководствовался работами таких авторов, как Джордж Акерлоф с его новаторскими идеями об идентичности и Фредерик Докье, тщательно изучивший миграционные процессы, а также дискуссией с Тони Венэйблсом, в ходе которой мы наряду с экономической географией обсуждали и ту модель, которая стала аналитической рабочей лошадкой для данной книги. В сфере социальной психологии я опирался на дискуссии с Ником Роулингсом и на работы Стивена Пинкера, Джонатана Хайдта, Дэниэла Канемана и Пола Зака. В сфере философии я многое почерпнул из дискуссий с Саймоном Сондерсом и Крисом Хукуэем, а также из работ Майкла Сэндела.

В данной книге я пытаюсь ответить на вопрос о том, какую миграционную политику можно назвать удачной. Даже сама постановка такого вопроса требует определенного мужества: трудно найти столь же опасное минное поле, как миграция. Тем не менее несмотря на то, что эта тема регулярно попадает в список вопросов, наиболее приоритетных для избирателей, посвященная ей литература за редкими исключениями либо носит узкотехнический характер, либо предвзят — защищает то или иное убеждение. Я попытался написать честную книгу, которая была бы доступна для всех: поэтому она вышла короткой и неформальной с точки зрения стиля. Порой я прибегаю к спекулятивной и неортодоксальной аргументации. Во всех подобных случаях это специально ого-

варивается. Я поступал так в надежде на то, что такая провокация станет для специалистов стимулом к работе, необходимой, чтобы определить, насколько обоснованными являются эти спекуляции. Прежде всего я надеюсь на то, что представленные в моей книге факты и аргументы выведут широкую дискуссию о миграционной политике за пределы театрально поляризованных и резких суждений. Проблема миграции слишком важна для того, чтобы оставлять ее в таком состоянии.

Часть I

Проблема миграции

Глава 1

Табуированная тема

Миграция бедных людей в богатые страны представляет собой феномен, перегруженный опасными ассоциациями. Сохранение массовой бедности в странах «нижнего миллиарда» – это вызов XXI века. Многие молодые люди горят желанием покинуть свои родные страны, зная о более богатой жизни в других местах. И некоторым из них это удастся с помощью различных легальных и нелегальных средств. Каждый конкретный исход – это триумф человеческого духа, храбрости и изобретательности, преодолевающих бюрократические барьеры, возведенные трусливыми богачами. С этой эмоциональной точки зрения любая миграционная политика, кроме политики открытых дверей, является подлостью. Однако ту же самую миграцию можно подать и как проявление эгоизма: игнорируя ответственность перед другими, находящимися в еще более отчаянных обстоятельствах, трудящиеся бросают тех, кто от них зависит, а предприимчивые предоставляют менее энергичных своей участи.

С этой точки зрения при выборе миграционной политики следует учитывать влияние миграции на тех, кто остается дома, не принимаемое во внимание самими мигрантами. Более того, миграцию можно понимать и как акт империализма наоборот – как месть со стороны бывших колоний. Мигранты создают в принимающих их странах свои колонии, отнимающие средства существования у местной бедноты, конкурирующие с ней или подрывающие ее ценности. С этой точки зрения миграционная политика должна защищать тех, кто живет там, где жил. Пусть миграция неизбежно сопряжена с эмоциями, но эмоциональная реакция на предполагаемые последствия может направить политику в какую угодно сторону.

Вопрос миграции был политизирован еще до того, как подвергся анализу. Переселение людей из бедных стран в богатые – простой экономический процесс, однако он приводит к очень непростым результатам. Политика в сфере миграции должна это учитывать. В настоящее время как страны – источники миграции, так и страны, принимающие мигрантов, проводят самую разную миграционную политику. Власти некоторых стран – источников миграции активно содействуют эмиграции и осуществляют официальные программы по сохранению связей со своими диаспорами, в то время как власти других стран ограничивают выезд за рубеж и относятся к своим диаспорам как к врагам. Между странами, принимающими мигрантов, существуют громадные различия в

плане общих темпов разрешенной иммиграции – от Японии, которая стала одним из самых богатых обществ в мире, оставаясь совершенно закрытой для иммигрантов, до эмирата Дубай, также ставшего одним из самых богатых обществ на Земле, но с помощью иммиграции, которая шла такими быстрыми темпами, что в настоящее время коренные жители эмирата составляют лишь 5 % его населения. Страны различаются в плане отношения к составу мигрантов: Австралия и Канада предъявляют значительно более высокие требования к их образовательному уровню, чем США, которые, в свою очередь, более требовательны, чем Европа. Страны различаются в плане прав, которыми наделяются мигранты, прибыв на место, – от получения ими полного юридического равенства с коренным населением, включая право вызывать к себе родственников, до статуса контрактных работников, подлежащих репатриации и не имеющих гражданских прав. Страны различаются в плане требований, предъявляемых мигрантам: в одних странах им предписывается проживать в конкретных местах и учить местный язык, в других странах они вправе селиться там, где говорят на их родном языке. Страны по-разному относятся к вопросу об ассимиляции и сохранении культурных различий. Мне не известны другие сферы публичной политики, в которых бы наблюдались такие же яркие различия. Отражает ли это политическое разнообразие продуманную реакцию на разные обстоятельства? Едва ли. Скорее я подозреваю, что причудли-

вые повороты миграционной политики являются следствием сильной эмоциональной окраски данного вопроса и его слабой изученности, в сочетании друг с другом создающих весьма опасную смесь.

Борьба за проведение той или иной миграционной политики ведется с использованием конкурирующих ценностей, а не конкурирующих фактов. Ценности могут влиять на итоги анализа как в хорошем, так и в плохом смысле. В первом случае имеется в виду то, что пока мы не определимся со своими ценностями, у нас не будет возможности делать нормативные оценки – связанные как с миграцией, так и с любыми другими вопросами. Однако этика способна влиять на результаты анализа и в плохом смысле. В своем новом поучительном исследовании специалист по моральной психологии Джонатан Хайдт демонстрирует, что, несмотря на различия между нравственными ценностями, в целом они распадаются на две группы¹. Он убедительно показывает, что в зависимости от принадлежности к той или иной группе людям свойственно подчинять свою аргументацию нравственным суждениям по конкретным вопросам, а не наоборот. Предполагается, что логика служит для оправдания и объяснения суждений. Однако в реальности мы хватаемся за логические доводы и используем их для обоснования суждений, уже вынесенных на основе наших нравственных предпочтений. Нет таких значимых вопросов, применительно к кото-

¹ Haidt (2012).

рым факты подтверждали бы исключительно ту или иную точку зрения; несомненно, это относится и к миграции. То, какие доводы и факты мы готовы признать, определяется нашими этическими воззрениями. Мы доверчиво относимся к самым сомнительным заявлениям, если они совпадают с нашими ценностями, в то же время с презрением и яростью отвергая те факты, которые им противоречат. Этические предпочтения в отношении миграции поляризованы, и каждый лагерь готов принять только те аргументы и факты, которые поддерживают его предубеждения. Хайдт показывает, что такие грубые перекосы наблюдаются в отношении многих вопросов, однако в случае миграции эти тенденции усложняются еще сильнее. В либеральных кругах, способных вести наиболее взвешенную дискуссию по большинству политических вопросов, на тему миграции наложено табу. Единственная допустимая точка зрения сводится к выражению сожаления о существовании массовой антипатии к миграции. В самое последнее время экономисты начали лучше разбираться в структуре табу. Их назначение состоит в защите чувства идентичности путем сокрытия от людей тех фактов, которые могли бы представлять для нее угрозу². Табу спасают нас от необходимости затыкать уши, накладывая ограничения на содержание разговоров.

В то время как дискуссии в отношении фактов в принципе могут завершиться тем, что одна из сторон будет вы-

² Benabou and Tirole (2011).

нуждена признать свою неправоту, разногласия в отношении ценностей бывают неразрешимыми. Смирившись с этим обстоятельством, мы сможем по крайней мере уважать чужие ценности. Я – не вегетарианец, но не считаю вегетарианцев идиотами и не пытаюсь насильно скармливать фуа-гра своим гостям-вегетарианцам. Моя более амбициозная цель состоит в том, чтобы побудить людей к пересмотру выводов, которые они делают на основании своих ценностей. Как объяснил Дэниэл Канеман в своей книге «Думай быстро, думай медленно», в большинстве случаев мы стараемся избегать сложных размышлений, верно учитывающих факты. Мы предпочитаем полагаться на моментально вынесенные суждения, зачастую основанные на наших ценностях. В большинстве случаев такие суждения представляют собой поразительно хорошее приближение к истине, но мы склонны чрезмерно доверять им. Задача данной книги – в том, чтобы заставить читателя отказаться от моментальных суждений на основе ценностей.

Подобно всем прочим, я начал изучение миграции, имея априорные суждения, сделанные на основе ценностей. Но в процессе работы над данной книгой я пытался забыть о них. Судя по дискуссиям, в которых я участвовал, миграция – это такая тема, которая заставляет почти каждого отстаивать свою точку зрения. Люди склонны подкреплять свои взгляды поверхностным анализом. Но я в соответствии с исследованиями Джонатана Хайдта подозреваю, что эти взгля-

ды по большей части основываются на априорных моральных предпочтениях, а не на убедительных доказательствах. Анализ, опирающийся на факты, — сильная сторона экономической науки. Подобно многим политическим вопросам, миграция имеет экономические причины и экономические последствия, и потому экономика может сказать решающее слово при оценке политики. Наш инструментарий позволяет нам давать на вопросы о причинах и последствиях более продуманные формальные ответы, чем те, которые нам подсказываются одним лишь здравым смыслом. Однако некоторые итоги миграции, в наибольшей степени затрагивающие простых людей, носят социальный характер. Их тоже можно учесть в экономическом анализе, и я попытаюсь это сделать. Впрочем, экономисты более традиционного толка склонны не придавать им значения.

Политические элиты, от которых в первую очередь и зависит выбор политического направления, находятся на распутье: в одну сторону их тянут избиратели со своими опасениями, в основе которых лежат ценностные суждения, в другую — экономисты, выдвигающие односторонние модели. В результате мы получаем шатания. Миграционная политика не только различается от одной страны к другой; помимо этого, она колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората. Например, в Великобритании двери для мигрантов открылись в 1950-е годы, частич-

но закрылись в 1968 году, снова распахнулись в 1997 году, а сейчас опять закрываются. Колебаниям подвержена и позиция политических партий: из этих четырех поворотов за два поворота в ту и в другую сторону отвечали лейбористы и за два – консерваторы. Зачастую политики, будучи резкими на словах, на деле ведут себя осторожно; обратное случается редко. Более того, порой их как будто бы даже смущают предпочтения, выражаемые их согражданами. Швейцария отличается от многих других стран тем, что простые люди имеют здесь право требовать от властей референдумов. Одним из вопросов, по которым проводились эти референдумы, неизбежно оказалась миграция. Средством для выражения массовой озабоченности стал референдум о правилах строительства мечетей, в ходе которого выяснилось, что значительное большинство граждан страны выступает против строительства мечети. Швейцарское правительство было так шокировано результатами референдума, что немедленно попыталось объявить их не имеющими силы.

Дело осложняется тем, что нравственная позиция по отношению к миграции переплетается с позициями по отношению к бедности, национализму и расизму. Современные представления о правах мигрантов диктуются чувством вины за различные несправедливости, допущенные в прошлом. Рациональное обсуждение миграционной политики будет возможно лишь после того, как мы научимся отделять эти соображения друг от друга.

На нас возложено очевидное моральное обязательство помогать очень бедным людям, живущим в других странах, и мы можем оказать им эту помощь, позволив некоторым из них переселиться в богатые страны. Тем не менее обязательство помогать бедным совсем не обязательно влечет за собой общее обязательство допускать свободное перемещение людей из одной страны в другую. Более того, те, кто считает, что бедным людям следует дать право переселения в богатые страны, скорее всего, первыми выступят против права богатых людей переселяться в бедные страны, поскольку в таком праве им послышатся неприятные отголоски колониализма. Утверждая, что бедные люди в силу своего положения имеют право на миграцию, мы рискуем спутать два вопроса, которые разумнее рассматривать по отдельности: обязанности богатых по оказанию помощи бедным и право свободного передвижения между странами. Мы вовсе не обязаны наделять людей этим правом в рамках выполнения своего долга перед бедными. Существует много способов помогать бедным: даже если данное общество решило не открывать свои двери мигрантам из бедных стран, оно может проявлять больше щедрости по отношению к бедным обществам в других политических сферах. Например, правительство Норвегии ввело довольно жесткие ограничения на иммиграцию, но при этом осуществляет достаточно щедрые программы помощи третьему миру.

В то время как моральное обязательство бороться с гло-

бальной бедностью порой выливается в идею о праве на миграцию, более серьезным последствием является отвращение к национализму. Хотя национализм не обязательно сопряжен с ограничениями на иммиграцию, несомненно и то, что при отсутствии националистических настроений не было бы и основы для таких ограничений. Если люди, живущие на данной территории, отождествляют себя друг с другом не сильнее, чем с иностранцами, то было бы странно, если бы они совместно согласились ввести ограничения на прибытие иностранцев: ведь для них не существовало бы «своих» и «чужих». Таким образом, при отсутствии национализма было бы сложно ограничивать иммиграцию исходя из этических соображений.

Не следует удивляться тому, что отвращение к национализму наиболее распространено в Европе: национализм неоднократно приводил здесь к войне. Создание Европейского союза представляло собой благородную попытку отбросить это наследие. Естественным следствием отвращения к национализму служит отвращение к границам: знаковым достижением Европейского союза является свободное передвижение европейцев в его рамках. Для некоторых европейцев национальная идентичность осталась в прошлом: один из моих молодых родственников называет себя «лондонцем», не признавая иной географической идентичности. Если от национальной идентичности желательно отказаться, то у нас, судя по всему, не остается серьезных этических

оснований для того, чтобы ограничивать приток мигрантов: почему бы не позволить всем жить там, где они хотят?

Отношение к национальной идентичности сильнее всего различается от страны к стране. Во Франции, США, Китае и странах Скандинавии сохраняется сильное и политически нейтральное чувство национальной идентичности, в то время как в Германии и Великобритании такое чувство эксплуатировалось ультраправыми политиками и вследствие этого на него было наложено табу. Во многих обществах, где никогда не существовало сильного чувства национальной идентичности, его отсутствие обычно вызывает сожаления и озабоченность. Недавно Майкл Игнатьев поднял в Канаде бурю, признав провал давних попыток связать франкофонных и англофонных канадцев транслингвистическим чувством единой идентичности³. В Африке слабость национальной идентичности по отношению к племенной идентичности повсеместно рассматривается как проклятие, борьба с которым входит в число задач, стоящих перед ответственными лидерами. В Бельгии, которой в настоящее время принадлежит мировой рекорд по продолжительности существования без правительства – потому что фламандцы и валлоны никак не могли договориться друг с другом, – никто никогда даже не пытался насаждать единую идентичность. В число моих друзей входит один из бельгийских послов, и однажды за обедом был затронут вопрос о его собственной идентич-

³ Wente (2012).

ности. Он со смехом утверждал, что совсем не чувствует себя бельгийцем – но вовсе не потому, что ощущает принадлежность к фламандцам или к валлонам. Скорее, он считал себя гражданином мира. После настойчивых расспросов о том, где именно он в наибольшей степени чувствует себя как дома, он выбрал деревню во Франции. Мне трудно представить себе французского посла, который бы добровольно высказал аналогичные настроения. И Канада, и Бельгия сумели остаться богатыми странами, несмотря на слабое чувство национальной идентичности, однако выбранное ими решение сводится к полной пространственной сегрегации различных языковых групп в сочетании с радикальной децентрализацией политической власти и ее делегированием этим субнациональным территориям. С точки зрения практического предоставления общественных услуг Канада и Бельгия являются четырьмя государствами со скрепляющей их идентичностью, а не двумя государствами без такой идентичности. В Великобритании вопрос о национальной идентичности является весьма запутанным вследствие многонационального состава страны, объединенной сравнительно недавно: за исключением некоторых иммигрантов, здесь никто не считает себя в первую очередь британцем. В Шотландии национальная идентичность открыто пропагандируется как составная часть общепризнанной культуры, в то время как английский национализм держится в тени: английские флаги официально вывешиваются гораздо реже, чем шотландские.

Национализм тоже бывает полезен. Нельзя забывать о его потенциале к злоупотреблениям, однако оказывается, что чувство общей идентичности усиливает способность к сотрудничеству. Людям требуется возможность к сотрудничеству на различных уровнях – как ниже уровня нации, так и выше его. Общее чувство национальной идентичности – не единственный способ наладить сотрудничество, однако нации по-прежнему выказывают повышенную склонность к нему. Об этом можно судить с точки зрения налогов и публичных расходов: несмотря на то что обе эти функции осуществляются на многих уровнях управления, наиболее важным из них остается национальный. Соответственно, если единое чувство национальной идентичности повышает способность людей сотрудничать на этом уровне, то оно играет действительно важную роль.

Кроме того, общее чувство идентичности повышает предрасположенность людей к готовности перераспределять средства между богатыми и бедными и делиться природными богатствами. Поэтому отвращение к национальной идентичности может оказаться весьма затратным, так как оно снижает способность к сотрудничеству и усиливает неравенство в обществе. Но несмотря на эти соображения, порой от национальной идентичности бывает необходимо отказаться. Если национализм неизбежно ведет к агрессии, то издержки отказа от него, безусловно, являются приемлемыми. С того момента, как европейский национализм вступил в полосу

упадка, Европа наслаждается продолжительным и беспрецедентным периодом мира. Эта связь побуждает таких политиков, как канцлер Ангела Меркель, пропагандировать символы европейского единства – в первую очередь евро – в качестве гарантии против возобновления войн. Однако, делая вывод о том, что упадок национализма повлек за собой сокращение насилия, мы путаем причины и следствия: это отвращение к насилию вызвало упадок национализма. Еще более важно то, что отвращение к насилию радикально снизило риск насилия. Отношение к насилию претерпело такие глубокие изменения, что в настоящее время европейская война совершенно немыслима.

Я склонен считать, что нам уже не обязательно отказываться от национальной идентичности с тем, чтобы оградиться от ужасов национализма. Если общая национальная идентичность полезна, то она может спокойно сосуществовать с нацией, соблюдающей мир. Собственно, мы видим это на примере скандинавских стран. Каждое из этих обществ не стесняется своего патриотизма, доходящего до соперничества с соседями. Этот регион известен своими войнами: и Швеция, и Дания в течение долгого времени были воинственными обществами за счет Финляндии и Норвегии соответственно. Однако нынешний период продолжительного мира – факт несомненный. И этот мир держится отнюдь не на формальных институтах европейского сотрудничества. Более того, эти формальные институты непредна-

меренно разделяют, а не объединяют скандинавские страны. Норвегия не входит в Европейское сообщество – в отличие от трех других стран региона. Из числа этих трех стран только Финляндия состоит в зоне евро. Таким образом, европейские институты, призванные насаждать единство, привели к расколу четырех скандинавских стран на три отдельных блока. Скандинавские государства находятся в числе стран с самым высоким уровнем жизни в мире, отличаясь не только высокими частными доходами, но и социальным равенством, а также хорошо налаженными общественными услугами. Несомненно, свою роль при этом сыграли патриотизм и чувство единой идентичности, пусть их вклад и невозможно измерить количественно.

В то время как и ответственность перед бедными, и боязнь национализма, вероятно, еще сильнее запутали вопрос о том, имеют ли общества право на ограничение иммиграции, на данный момент самой мощной силой, вдохновлявшей выступления за признание свободы передвижения между странами в качестве естественного права, служила оппозиция расизму. С учетом истории расизма и в Европе, и в Америке столь страстное противодействие расизму и неудивительно, и вполне оправданно. Большинство выходцев из бедных стран принадлежат к иной расе, нежели коренное население богатых стран, принимающих мигрантов, и потому противодействие иммиграции грозит скатиться к расизму. В Великобритании одно широко известное выступле-

ние 1960-х годов против иммиграции определенно перешло эту грань: нежелательность иммиграции из стран Африки и Южной Азии обосновывалась ужасами неизбежного межэтнического насилия. Эта безрассудная речь давно умершего мелкого политика Эноха Пауэлла имела своим следствием то, что британская дискуссия о миграционной политике была прервана на сорок лет с лишним: сопротивление миграции оказалось столь неразрывно связано с расизмом, что возможность выражать такую позицию сохранилась разве что в маргинальном дискурсе. Откровенно нелепое предсказание Пауэлла о «реках крови» не только сделало дискуссию невозможной, но и превратилось в главное пугало для либералов: предполагалось, что потенциал межрасового насилия между иммигрантами и коренным населением несет в себе огромную скрытую угрозу. Отныне все, что теоретически могло разбудить этого спящего дракона, считалось недопустимым.

Это табу стало разрушаться лишь в 2010 году в результате массовой иммиграции из Польши. Британская иммиграционная политика по отношению к полякам носила ярко выраженный либеральный характер. В момент вступления Польши в Европейское сообщество переходные соглашения давали его членам право ограничивать польскую иммиграцию до тех пор, пока польская экономика не придет в соответствие с европейскими нормами. Все крупные страны сообщества, за исключением Великобритании, прилежно ввели такие ограничения. На решение британского правительства

отказаться от подобных мер, возможно, повлиял сделанный в 2003 году прогноз Британской гражданской службы, в котором утверждалось, что восточноевропейская иммиграция в Великобританию будет носить незначительный характер: не более 13 тыс. человек в год. Это предсказание оказалось в корне неверным. Реальная иммиграция в Великобританию из Восточной Европы в течение следующих пяти лет составила около миллиона человек⁴. Подобная крупномасштабная иммиграция, от души приветствовавшаяся такими семьями, как моя, которые считали наплыв квалифицированной и трудолюбивой рабочей силы весьма полезным, в то же время вызывала широкое возмущение – нередко со стороны местных трудящихся, ощущавших угрозу своему положению. Притом что и одобрение иммиграции, и оппозиция ей основывались на откровенно эгоистической мотивации, ни в том ни в другом невозможно было усмотреть никаких признаков расизма вследствие принадлежности поляков к белой расе и христианской вере. Решающим и в придачу комическим моментом стал скандал на выборах 2010 года, когда премьер-министру Гордону Брауну забыли отключить микрофон после инсценированного разговора с простой женщиной из толпы, выбранной его штабом. К несчастью, женщина начала сетовать на последнюю волну иммиграции. После этого все слышали, как Браун распекает своих помощников за то, что те выбрали эту «упертую дуру».

⁴ Dustmann et al. (2003).

Такая демонстрация того, насколько премьер-министр далек от проблемы, общепризнанно являющейся законным источником озабоченности, внесла свой вклад в оглушительное поражение Брауна. Новое руководство Лейбористской партии принесло извинения, заявив, что прежняя политика открытых дверей была ошибочной. Кажется, в Великобритании наконец-то снова стало можно говорить об иммиграции, не рискуя прослыть расистом.

А может быть, и нет. Поскольку расовая принадлежность коррелирует с прочими отличительными чертами – такими, как уровень благосостояния, религия и культура, – не исключено, что любые ограничения на миграцию, введенные на основе этих критериев, все равно будут восприниматься как троянский конь расизма. В таком случае открытое обсуждение вопроса о миграции по-прежнему невозможно. Я решил написать эту книгу лишь после того, как сделал вывод о том, что мы уже в состоянии провести различие между такими концепциями, как раса, бедность и культура. Расизм – это убеждение в существовании генетических различий между расами, хотя это мнение не подтверждается никакими фактами. Бедность обусловлена низким уровнем доходов, а не генетикой: сохранение массовой бедности при наличии технологий, обеспечивающих простым людям процветание, является скандальной чертой и крупной проблемой нашего века. Культура не наследуется генетически; она представляет собой изменчивое сочетание норм и привычек, влекущих за

собой важные материальные последствия. Отказ учитывать расово обоснованные различия в поведении – это проявление человеческого достоинства. Отказ учитывать культурно обусловленные различия в поведении был бы слепым отрицанием очевидных фактов.

Полагаясь на законность этих различий, в то же время я в полной мере отдаю себе отчет в том, что мои суждения могут оказаться ошибочными. Этот момент важен, потому что, как мы вскоре увидим, решения, принимаемые в сфере публичной политики, в значительной степени зависят от имущественных и культурных различий. Если считать, что все эти соображения служат не более чем прикрытием для расизма, то лучше вообще отказаться от такой дискуссии, по крайней мере в Великобритании: возможно, мы все еще не вышли из длинной тени Эноха Пауэлла. Таким образом, мое рабочее допущение сводится к тому, что право жить где бы то ни было не является логическим следствием противодействия расизму. Не исключено, что у людей действительно есть такое право, и я еще вернусь к этому вопросу, но его невозможно обосновать одной лишь ссылкой на законную обеспокоенность бедностью, национализмом и расизмом.

Возьмем три группы людей: самих мигрантов, тех, кого они оставляют в своей родной стране, и коренное население принимающей их страны. Нам нужны теории и факты, которые бы позволили разобраться с тем, какая судьба ждет каждую из этих групп. Вопрос о первой группе – о мигрантах –

мы временно отложим, потому что он наиболее прост. Перед мигрантами встают издержки преодоления весьма серьезных барьеров к передвижению, но потом они пожинают экономические блага, намного превышающие эти издержки. Мигрантам достается львиная доля экономических выгод, обеспечиваемых миграцией. Из некоторых новых и весьма интригующих фактов следует, что эти серьезные экономические выгоды частично, а может быть, и существенно нивелируются психологическими потерями. Впрочем, несмотря на поразительность этих фактов, в нашем распоряжении имеется слишком мало надежных исследований для того, чтобы судить об общей значимости самих этих фактов и их последствий.

Вопрос о второй группе – о тех людях, которые остаются жить в бедных странах, являющихся источником миграции, – в первую очередь и вдохновил меня на написание этой книги. Речь идет о беднейших обществах в мире, за последние полвека сильно отставших от процветающего большинства. Выкачивает ли эмиграция из этих обществ те возможности, которых им и без того отчаянно не хватает, или же она служит для них спасательным кругом и подталкивает их к изменениям? Если в качестве точки отсчета при изучении воздействия миграции на тех, кто остался дома, выбрать полностью закрытую дверь, то окажется, что миграция существенно повышает их благосостояние. То же самое можно сказать и о других типах экономического взаимодействия

между беднейшими обществами и остальным миром: торговать лучше, чем не торговать, а перемещение капитала лучше полной неподвижности финансов. Однако изучать беднейшие общества, используя автаркию в качестве отправной точки, — занятие неинтересное и бессмысленное: на этой основе невозможно выстроить никакой серьезный политический анализ. Уместной отправной точкой, как и в случае с торговлей и потоками капитала, является статус-кво по отношению не к автаркии, а к более энергичной либо к более вялой эмиграции. Ниже будет показано, что при отсутствии сдерживающих мер эмиграция из беднейших стран ускоряется и им грозит массовый исход. Однако миграционную политику определяют не бедные страны, а богатые. Задавая темп прибытия иммигрантов, власти богатых стран в то же время непреднамеренно устанавливают темп эмиграции из беднейших обществ. Даже если наличие миграции положительно сказывается на этих обществах, являются ли ее нынешние темпы идеальными? Не пойдет ли этим обществам на пользу, если миграция несколько ускорится или несколько замедлится? Подобная постановка вопроса до недавнего времени делала ответ на него невозможным. Тем не менее из новых и чрезвычайно тщательных исследований вытекает, что для многих обществ из «нижнего миллиарда» нынешние темпы иммиграции, вероятно, являются чрезмерными. Десятилетием назад аналогичная работа заложила основу для пересмотра политики в сфере перемещений капитала. По-

литические изменения всегда сильно отстают от исследований, но в ноябре 2012 года Международный валютный фонд объявил, что он перестает рассматривать отсутствие препятствий для потоков капитала в качестве политики, при любых условиях оптимальной для бедных стран. Подобные нюансированные оценки неизменно приводят в ярость фундаменталистов, выводящих свои политические предпочтения из моральных приоритетов.

Последний вопрос – о коренном населении в обществах, принимающих мигрантов, – наверняка непосредственно затрагивает большинство читателей данной книги, и потому мы начнем именно с него. Каким образом размах и темп иммиграции влияют на социальное взаимодействие – как между коренными жителями и иммигрантами, так и между самими коренными жителями? Какое экономическое влияние иммиграция оказывает на различные профессиональные и возрастные когорты в рамках коренного населения? Как эти последствия изменяются с течением времени? В отношении коренного населения стран, принимающих миграцию, встает та же самая проблема точки отсчета, что и в отношении населения стран, являющихся источником миграции. В настоящее время такой точкой отсчета служит не нулевая миграция, а такие ее значения, которые несколько отличаются от текущего уровня миграции в ту или в иную сторону. Несомненно, все зависит от конкретной страны: на такой слабо-заселенной стране, как Австралия, иммиграция сказывается

ся совсем не так, как на странах более густозаселенных – таких как Нидерланды. При попытке ответить на этот вопрос я укажу, что социальные последствия в большинстве случаев окажутся более значимыми, чем экономические – в частности, из-за того, что последние обычно бывают скромными. Чистое влияние миграции на наименее обеспеченные слои коренного населения, скорее всего, будет отрицательным.

Длительный экскурс по трем этим отдельным темам даст нам строительные блоки для общей оценки миграции. Однако, чтобы перейти от описания к оценке, нам потребуются как аналитические, так и этические рамки. Аналитика и этика, используемая в типичной работе, защищающей миграцию, влечет за собой тривиализацию данной проблемы, потому что получается, что все важные эффекты работают в одном и том же направлении, в то время как от противоположных эффектов отмахиваются как от «сомнительных», «несущественных» или «краткосрочных». Но любой честный анализ должен исходить из наличия победителей и проигравших притом, что даже оценка общего влияния на конкретную группу может оказаться неоднозначной, так как она зависит от того, как сравнивать друг с другом потери и приобретения. Если одни люди оказываются в выигрыше, а другие – в проигрыше, то чьи интересы следует учитывать в первую очередь? Экономический анализ миграции в большинстве случаев дает четкий и убедительный ответ: победители приобретают гораздо больше, чем теряют проиграв-

шие, а значит – горе побежденным. Даже при использовании такого простого критерия, как денежный доход, мы найдем, что выгоды намного превышают потери. Однако экономисты обычно отказываются от денежного критерия в пользу гораздо более изощренной концепции «пользы», и в этом случае общие выгоды от миграции получаются еще более крупными. Для многих экономистов такой ответ решает дело: необходимо проводить такую миграционную политику, которая влекла бы за собой максимум пользы в глобальном масштабе.

В части 5 этот вывод будет мной оспорен. Я утверждаю, что права нельзя приносить в жертву такому сомнительному понятию, как «глобальная польза». Нации являются важными и законными нравственными единицами: собственно, мигрантов как раз и привлекают плоды успешного существования наций. Само наличие национального государства наделяет правами его граждан, особенно бедное коренное население. От его интересов невозможно отмахиваться, ссылаясь на глобальную пользу и приносимые ею блага. В еще более уязвимой позиции, чем бедные коренные жители стран, принимающих мигрантов, находятся люди, остающиеся там, откуда те уехали. И те и другие сильнее нуждаются и намного более многочисленны, чем сами мигранты. Но в отличие от бедного коренного населения стран, принимающих мигрантов, у них нет никакой возможности как-то повлиять на миграционную политику: их собственные власти не в состоя-

нии контролировать темп эмиграции.

Миграционную политику устанавливают власти стран, принимающих миграцию, а не тех стран, которые служат ее источником. В любом демократическом обществе правительство должно соблюдать интересы большинства его граждан, однако те вправе высказывать озабоченность положением как бедных коренных жителей, так и населения беднейших обществ. Поэтому, выбирая миграционную политику, власти стран, принимающих мигрантов, должны сопоставлять интересы бедного коренного населения с интересами мигрантов и тех, кто остается жить в бедных странах.

Буйная компания ксенофобов и расистов, враждебных к иммигрантам, не упускает возможности напомнить о том, что миграция пагубно сказывается на коренном населении. Понятно, что это вызывает соответствующую реакцию: отчаянно стараясь не давать этим группам новых козырей, представители общественных наук из всех сил стремятся показать, что миграция полезна для всех. При этом, сами того не желая, они добиваются того, что у ксенофобов появляется возможность задать вопрос: «Так миграция – это хорошо или плохо?». Ключевая идея данной книги состоит в том, что этот вопрос некорректен. Задавать его так же бессмысленно, как спрашивать: «Еда – это хорошо или плохо?». В обоих случаях более уместным был бы вопрос о том, не хорошо ли это или плохо, а о том, какое количество того и другого является оптимальным. Немного миграции – почти наверняка

лучше, чем ее полное отсутствие. Но точно так же, как обжорство вредно для здоровья, так и миграция может быть чрезмерной. Ниже я покажу, что миграция, предоставленная сама себе, будет ускоряться, и потому с большой вероятностью приобретет избыточный размах. Именно поэтому средства контроля над миграцией, отнюдь не будучи неприятным пережитком национализма и расизма, будут становиться все более важными инструментами социальной политики во всех богатых обществах. Неприятно не само их существование, а их непродуманность. В свою очередь, она является результатом табу, препятствующего серьезной дискуссии.

Данная книга представляет собой попытку разрушить это табу. Я прекрасно осознаю, что эта попытка, как и все начинания подобного рода, включает в себе определенный риск. Фундаменталисты, стоящие на страже ортодоксальных взглядов, готовы пустить в ход свои фетвы. Тем не менее пора начинать, и начнем мы с того, что разберемся, почему миграция ускоряется с течением времени.

Глава 2

Почему миграция ускоряется

На протяжении полувека после начала Первой мировой войны страны держали свои границы закрытыми. Войны и Великая депрессия сделали миграцию затруднительной, а иммигрантов – людьми нежелательными. К 1960-м годам подавляющее большинство людей жило в тех странах, в которых они родились. Однако на протяжении этого полувека неподвижности глобальная экономика претерпела драматические изменения: между доходами разных стран обозначился резкий разрыв.

В рамках общества распределение доходов имеет форму колокола: большинство людей находятся более-менее посередине при наличии двух меньшинств – богатого и бедного. Фундаментальной статистической причиной, обеспечивающей именно такое распределение доходов, является случай. процесс получения доходов зависит от повторяющихся ситуаций, при которых одним людям везет, а другим – не везет. Совокупность везения и невезения и обеспечивает колоколообразное распределение доходов. Если удача накапливается мульти-пликативно, то «хвост», соответствующий богатому меньшинству, удлиняется: некоторые люди становятся очень богатыми. Эти мультипликативные силы получения доходов настолько могущественны и вездесущи, что им со-

ответствует распределение доходов во всех странах мира.

Однако к 1960-м годам распределение доходов *между* странами мира выглядело совершенно иначе: не как колокол посередине, а как два колокола по обоим краям. На формальном языке такое распределение называется бимодальным; иными словами, существовали богатый мир и бедный мир. Богатый мир богател все больше и больше, причем этот процесс шел исторически беспрецедентными темпами. Например, с 1945 по 1975 год во Франции доход на душу населения утроился: французы называют этот период золотым тридцатилетием. Экономисты разработали теорию роста, чтобы объяснить, в чем была причина этого нового феномена. Однако бедный мир упустил возможности для роста и продолжает упускать их. Пытаясь понять, по каким причинам произошел этот раскол и почему он сохраняется, экономисты создали такое направление исследований, как экономика развития.

Четыре столпа процветания

При разговоре о миграционной политике многое зависит от того, почему одни страны намного богаче других, и потому сейчас я вкратце расскажу, как изменялась профессиональная точка зрения и мои собственные представления по этому вопросу. Когда экономика развития находилась еще в зародыше, стандартное объяснение поразительного разры-

ва в доходах сводилось к различиям в капиталовооруженности. Считалось, что трудящиеся в богатых странах работают более продуктивно, потому что в их распоряжении имеется намного больше капитала. От этого объяснения не до конца отказались, однако экономистам отныне приходится учитывать такое принципиальное новшество, как международная мобильность капитала: сейчас он в огромных количествах перемещается из страны в страну. Тем не менее до беднейших стран капитал доходит в незначительных объемах. Бедные страны по-прежнему страдают от нехватки капитала, однако этот факт уже не воспринимается как основная причина их бедности; что-то еще должно отвечать и за то, что им не хватает капитала, и за их бедность. В качестве объяснений выдвигались и анализировались такие факторы, как выбор неудачной экономической политики, дисфункциональная идеология, сложные географические условия, негативное отношение к работе, наследие колониализма и недостаточный уровень образования. Большинство из этих факторов представляются в той или в иной мере убедительными, однако ни один, по-видимому, не годится в качестве окончательного объяснения: например, выбор политики происходит не сам по себе, а является следствием определенных политических процессов.

Экономисты и политологи во все большей степени предпочитают такие объяснения, в основе которых лежат принципы организации государства: каким образом заинтересо-

ванные политические группы задают вид долговечных институтов, которые впоследствии определяют выбор политики⁵. Согласно одному из влиятельных направлений аргументации, ключевые начальные условия процветания должны обеспечивать заинтересованность политической элиты в создании налоговой системы: европейская элита традиционно нуждалась в поступлениях для финансирования военных расходов. В свою очередь, налоговая система делает государство заинтересованным в расширении масштабов экономики и потому подталкивает его к установлению правозаконности. Та стимулирует людей к инвестициям, вселяя уверенность в том, что производственные активы не будут экспроприированы. Инвестиции обеспечивают экономический рост. На этом надежном фундаменте для инвестиций вырастает еще один слой институтов, обеспечивающих распределение доходов. Протесты со стороны множества исключенных вынуждают богатых развивать инклюзивные политические институты: так мы приходим к частнособственнической демократии.

Другие авторы развивают похожую аргументацию, утверждая, что ключевым институциональным изменением стал переход политической власти от хищнических элит, занимавшихся изъятием средств у трудящегося населения, к более инклюзивным институтам, защищающим интересы производителей. В своем важном новом исследовании Дарон

⁵ Besley and Persson (2011); Acemoglu and Robinson (2012).

Асемоглу и Джеймс Робинсон указывают, что английская Славная революция 1688 года, в ходе которой власть перешла от короля к парламенту, стала первым из подобных решающих событий в мировой экономической истории, инициировав промышленную революцию и открыв путь к глобальному процветанию.

Эта линия рассуждений выдвигает на первое место политические и экономические институты. О значении демократических институтов свидетельствует тот факт, что смена лидера существенным образом сказывается на экономических показателях лишь в тех случаях, если эти институты слабы. Хорошие институты становятся преградой к своеволию лидеров⁶. Поэтому формальные политические и экономические институты играют важную роль: богатые страны обладают более качественными политическими и экономическими институтами по сравнению с бедными странами.

Однако демократические политические институты успешно функционируют лишь в том случае, если простые граждане достаточно хорошо информированы для того, чтобы призвать политиков к ответу. Многие вопросы носят сложный характер, причем это относится и к самой миграционной политике. Кейнс проницательно предположил, что простые люди знакомятся со сложными проблемами с помощью нарративов – доступных для понимания кратких изло-

⁶ Jones and Olken (2005).

жений теоретических вопросов⁷. Нарративы легко распространяются, становясь общественными благами, но они могут иметь очень слабое соответствие реальности. Пример тому – нарративы, объясняющие причины болезней. Переход от нарративов, объявлявших болезни результатом колдовства, к нарративам, основанным на теории микроорганизмов, сыграл ключевую роль в становлении общественного здравоохранения. В Европе он произошел в конце XIX века. На Гаити он до сих пор не завершился: даже пострадав от землетрясения, люди все равно опасались больниц. Нарративы в зависимости от своего содержания способны поддерживать, дополнять или подрывать те или иные институты. Нарратив «немцы перестали мириться с инфляцией» способствовал укреплению дойчмарки. Однако аналогичного нарратива в отношении евро в Европе так и не появилось. Подобно дойчмарке, евро пользуется институциональной защитой, сводящейся к двум фискальным правилам; тем не менее с момента введения евро в 2001 году их нарушали 16 из 17 стран еврозоны, включая Германию. Евро представляет собой отважную и, возможно, безрассудную попытку вынудить преобладающие в Европе различные экономические нарративы адаптироваться к новому общему институту. Но эта адаптация происходит медленно и неуверенно. Несмотря на уровень безработицы в 27 %, к 2012 году инфляция в Испании остается выше, чем в Германии, притом, что длитель-

⁷ Kay (2012).

ный период более высокой инфляции резко подорвал конкурентоспособность первой из этих стран. Пусть нарративы изменяются с течением времени, но это не снижает их значения.

В то время как Европа дает пример различия экономических нарративов, контраст между США и Южным Суданом иллюстрирует различие в политических нарративах. Президент Клинтон прославился тем, что выиграл избирательную кампанию под лозунгом «Это же экономика, глупец!». Общество, в котором подобные лозунги находят отклик, будет пользоваться совершенно иным набором политических институтов по сравнению с обществом, прибегающим к такому нарративу, как «Народ дин-ка терпит притеснения со стороны народа нуэр»⁸. Аналогично в обществе, считающем, что «зарубежные инвестиции означают новые рабочие места», Национальное агентство инвестиций будет работать совсем по-другому, чем в обществе, уверенном, что «зарубежные инвестиции означают эксплуатацию». Ложные нарративы в конце концов выходят из употребления, но на это может понадобиться много времени. Поэтому одной из причин огромного разрыва в доходах, возможно, является то, что в богатых обществах институты опираются на более функциональные нарративы, чем те, которые преобладают в бедных

⁸ В блестящем новом исследовании Тимоти Бесли и Марта Рейнал-Квероль (Besley and Reynal-Querol 2012) показывают, что в Африке причиной современных кровавых конфликтов может служить даже память о конфликтах, происходивших в XV веке.

обществах.

Однако многие правила, диктующие экономическое поведение, носят неформальный характер, и поэтому наш анализ можно распространить не только на институты и нарративы, но и на социальные нормы. Две ключевые социальные нормы связаны с насилием и сотрудничеством. В обществе с высоким уровнем насилия правозаконность хронически игнорируется: домохозяйства и фирмы вынуждены тратить силы на обеспечение безопасности, в предельном случае получая ее путем сохранения бедности с тем, чтобы меньше привлекать к себе внимания⁹. Способность к сотрудничеству представляет собой важнейший фактор процветания: многие товары и услуги являются «общественными благами» и их коллективное предоставление оказывается наиболее эффективным. Поэтому социальные основы мира и сотрудничества существенны в плане экономического роста и не вытекают непосредственным образом из формальных институтов. Стивен Пинкер убедительно предположил, что нормы, связанные с насилием, весьма радикально изменялись на протяжении столетий, пройдя ряд отдельных этапов¹⁰

⁹ Greif and Bates (1995).

¹⁰ Pinker (2011).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.